

MONOGRAFIA
POKONFERENCYJNA

ROZWÓJ I PRAKTYKA
LITERATURA, SOCJOLOGIA I
KULTUROZNAWSTWO

Zakopane (PL)

29.12.2017

WSPÓŁORGANIZATORZY:

The East European Scientific Group (Azerbaijan, Belarus, Poland, Serbia, Ukraine),
Virtual Training Centre «Pedagog of the 21st Century»,
Global Management Journal.

U.D.C. 316+8.2+8.1.1.1.1.1 +8.0.1.8+082

B.B.C. 94

Z 40

Zbiór artykułów naukowych recenzowanych.

(1) Z 40 Zbiór artykułów naukowych z Konferencji Międzynarodowej Naukowo-Praktycznej (on-line) zorganizowanej dla pracowników naukowych uczelni, jednostek naukowo-badawczych oraz badawczych z państw obszaru byłego Związku Radzieckiego oraz byłej Jugosławii.

(29.12.2017) - Warszawa, 2017. - 52 str.

ISBN: 978-83-65608-97-0

Wydawca: Sp. z o.o. «Diamond trading tour»

Adres wydawcy i redakcji: 00-728 Warszawa, ul. S. Kierbedzia, 4 lok.103

e-mail: info@conferenc.pl

Wszelkie prawa autorskie zastrzeżone. Powielanie i kopiowanie materiałów bez zgody autora jest zakazane. Wszelkie prawa do artykułów z konferencji należą do ich autorów.

W artykułach naukowych zachowano oryginalną pisownię.

Wszystkie artykuły naukowe są recenzowane przez dwóch członków Komitetu Naukowego.

Wszelkie prawa, w tym do rozpowszechniania i powielania materiałów opublikowanych w formie elektronicznej w monografii należą Sp. z o.o. «Diamond trading tour».

W przypadku cytowań obowiązkowe jest odniesienie się do monografii.

Nakład: 100 egz.

«Diamond trading tour» © Warszawa 2017

Redaktor naukowy:

W. Okulicz-Kozaryn, dr. hab, MBA, Institute of Law, Administration and Economics of Pedagogical University of Cracow, Poland; The International Scientific Association of Economists and Jurists «Consilium», Switzerland.

KOMITET NAUKOWY:

W. Okulicz-Kozaryn (Przewodniczący), dr. hab, MBA, Institute of Law, Administration and Economics of Pedagogical University of Cracow, Poland; The International Scientific Association of Economists and Jurists «Consilium», Switzerland;

С. Беленцов, д.п.н., профессор, Юго-Западный государственный университет, Россия;

Z. Čekerevac, Dr., full professor, «Union - Nikola Tesla» University Belgrade, Serbia;

Р. Латыпов, д.т.н., профессор, Московский государственный машиностроительный университет (МАМИ), Россия;

И. Лемешевский, д.э.н., профессор, Белорусский государственный университет, Беларусь;

М. Ордынская, профессор, Южный федеральный университет, Россия;

Е. Чекунова, д.п.н., профессор, Южно-Российский институт-филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Россия.

KOMITET ORGANIZACYJNY:

A. Murza (Przewodniczący), MBA, Ukraina;

A. Горохов, к.т.н., доцент, Юго-Западный государственный университет, Россия;

A. Kasprzyk, Dr, PWSZ im. prof. S. Tarnowskiego w Tarnobrzegu, Polska;

A. Malovychko, dr, EU Business University, Berlin – London – Paris - Poznań, EU;

L. Nechaeva, PhD, Instytut PNPU im. K.D. Ushinskogo, Ukraina;

S. Seregina, independent trainer and consultant, Netherlands;

M. Stych, dr, Uniwersytet Pedagogiczny im. Komisji Edukacji Narodowej w Krakowie, Polska;

A. Tsimayeu, PhD, associate Professor, Belarusian State Agricultural Academy, Belarus.

ВОЛЕВИЯВЛЕННЯ ЯК МОВЛЕННЄВИЙ ВПЛИВ НЕПРЯМИХ МОВЛЕННЄВИХ АКТИВ У РОМАНІ ПАТРИКА ВАЙТА “THE AUNT’S STORY”	5
Шуляк І. М.	5
МИКРОПОЛЕ «ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ХАРАКТЕР В. В. МАЯКОВСКОГО» КАК ЧАСТЬ ЛСП «ХАРАКТЕР В. В. МАЯКОВСКОГО»	9
Куренкова Т.Н.	9
ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ДУХОВНОМ ОПЫТЕ ЧЕЛОВЕКА.	13
Семенова М.Ю., Мансурова Э.Р.	13
ТЕМАТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСФЕРЫ ТУРИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА	16
Брутман А. Б.	16
FRAMING OF THE CONCEPT PEACE IN THE ENGLISH DISCOURSE	24
Коваленко Р.В.	24
FRAMING AS A METHOD OF CONCEPTUAL ANALYSIS	27
Коваленко Р.В.	27
FRAMING OF THE CONCEPT WAR IN THE ENGLISH DISCOURSE	30
Коваленко Р.В.	30
РОЛЬ ГЛИБИННОГО СМІСЛУ ТЕКСТУ ПРИ ВИРАЖЕННІ ІРОНІЇ	33
Блинова І. А.	33
DEVELOPING STUDENTS’ PHONETIC COMPETENCE	40
Зоз О.А., Бережна С.В.	40
КОММУНИКАТИВНИЙ АСПЕКТ МЕДІАДИСКУРСА	45
Фрумкіна А. Л.	45
ПЕРЕВОД АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОМИНАЦИЙ РАКЕТНОГО ОРУЖИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ	48
Калужская Л.О., Калужский И.Н.	48

ВОЛЕВИЯВЛЕННЯ ЯК МОВЛЕННЄВИЙ ВПЛИВ НЕПРЯМИХ МОВЛЕННЄВИХ АКТИВ У РОМАНІ ПАТРИКА ВАЙТА “THE AUNT’S STORY”

Шуляк І. М.

аспірант Східноєвропейського національного університету імені Лесі Українки Східноєвропейський національний університет імені Лесі Українки

Ключові слова: непрямий мовленнєвий акт, мовленнєвий вплив, волевиявлення, комунікативна інтенція.

Keywords: indirect speech act, speech effect, expression of will, communicative intention.

Моделювання та вживання не-прямих мовленнєвих актів (далі – НМА) обумовлене здійсненням мовленнєвого впливу волевиявлення на співрозмовника. Мовленнєвий вплив є заздалегідь обдуманий мовцем ефект, що спрямований викликати необхідну реакцію у співрозмовника, та має чітко визначений спектр дії [1, 205]. Тобто, комунікант у формі непрямого висловлення опосередковано виражає мовленнєвий вплив на іншого учасника комунікації з метою вплинути на його поведінку, хід його думок, почуття й настрої. Непрямо виражена комунікативна інтенція мовця у НМА здійснює мовленнєвий вплив на співрозмовника, впливає

на “суспільні, культурні, міжособистісні, суб’єктивно-емоційні відношення учасників вербальної комунікації” [6, 68].

Волевиявлення є одним з типів мовленнєвого впливу, який непряме висловлення ефективно й активно здійснює у ситуаціях художнього дискурсу П. Вайта. На думку С. В. Мясоедової, спонуканням вважається відношення, яке відображає “волюнтативні стосунки між мовцем, який називає дію, що її необхідно виконати (не виконати), і співрозмовником, який повинен забезпечити її виконання (не виконання)” [3]. Волевиявлення, як зазначає Л. Л. Федорова, відбиває різне за інтенсивністю спонукання:

з одного боку, наказ чи заборона, які є категоричними формами спонукання, обумовлюють негайну реакцію співрозмовника для виконання названої дії, а з іншого – ввічливе прохання, побажання, порада, які є бажаними для мовця та пом'якшеними формами спонукання, проте їхня реалізація залежить від волі співрозмовника [5, 46]. Отже, виокремлюємо два типи мовленнєвого впливу волевиявлення: непрямий мовленнєвий вплив категоричного волевиявлення і непрямий мовленнєвий вплив пом'якшеного волевиявлення.

Непрямий мовленнєвий вплив **категоричного волевиявлення** у формі НМА спрямований на віддавання наказу, вимоги, команди суб'єкту комунікації, передумовою формування яких може стати “бажання мовця внести зміни до сформованої мовної або позамовної ситуації через спонукання співрозмовника до виконання чи, навпаки, невиконання дії, яка мовцеві мовлення видається необхідною чи можливою за умов, що склалися на момент комунікації” [2, 7]. Дослідниця засобів непрямой комунікації, Дж. Томас відзначає, що під час моделювання непрямого висловлення мовець регу-

лює ступінь впливу комунікантів один на одного, розподіл прав та обов'язків між ними, міру втручання в особистий простір [9, 124]. Чим інтенсивніше нав'язування мовцем своїх думок, бажань та накладання зобов'язань на співрозмовника, тим частіше мовець вдається до НМА [9, 130]. Розглянемо вияв непрямого мовленнєвого впливу волевиявлення у формі НМА на прикладах з роману П. Вайта “*The Aunt's Story*”:

But Theodora had no patience. For a long time the close, stovey breath of Alyosha Sergei had exasperated her beyond words. He could fume the ceilings of a whole house. So that when she spoke bitterness yellowed her voice, and her fingers struck at her belt, like keys.

“I believe you are drunk already” [10, 169].

НМА **‘I believe you are drunk already’** виражає два комунікативні наміри. Головна героїня, Теодора Гудмен з роману “*The Aunt's Story*”, прямо виражає невдоволення станом її співрозмовника, й опосередковано вимагає від чоловіка не танцювати із молодією жінкою на балу через його алкогольне сп'яніння. Давні дружні відносини, а також її поважний вік, дозволяють Теодорі втрутитися у міжособистісні сто-

сунки свого співрозмовника з його подругою, а також, використати непряме повідомлення, щоб висловити власну думку та вплинути на поведінку героя. НМА стає релевантним у комунікативному процесі, оскільки досягає ефективності: *‘Varvara swam against the waltz, and they (Theodora and Alyosha Sergei) stood in the open doorways, applauding ...’* [10, 169], здійснюючи непрямий мовленнєвий вплив категоричного спонування на чоловіка.

Непрямий мовленнєвий вплив **пом’якшеного волевиявлення** у формі НМА спрямований на реалізацію прохальної семантики. Вона виражає бажану для мовця мовленнєву дію, проте її реалізація залежить від волі співрозмовника. У сформованій комунікативній ситуації спрямованість пом’якшеного волевиявлення “може проектуватися як на користь мовця, так і на користь співрозмовника” [6, 162]. Тобто, адресант демонструє дружельобне ставлення до адресата, бажання дійти згоди й утриматися від конфліктів, уникаючи імперативної форми [7, 9]. Як зауважує М. Нікітін, до форми пом’якшеного волевиявлення у непрямих висловлень вдаються, щоб проявити прихильність, увагу або такт [4, 142].

Наприклад, висловлення головної героїні роману “*The Aunt’s Story*” “***I have all these bags,’ she said hopefully, but in doubt, wondering whether, for the Hotel du Midi, she had brought too much or too little*** [10, 137] містить інформацію про її багаж й опосередковано вказує на прямі обов’язки швейцара допомогти занести валізи до готельного номера. Тобто, реалізуючи констатив – донести до співрозмовника твердження, адресант має перлокутивну ціль реалізувати директив – змусити чоловіка допомогти з речами. Теодора вважає НМА директив релевантним у сформованій комунікативній ситуації й очікує на його успішність у вербальній інтеракції. Також, високий рівень освіти й культури героїні стає одним із вирішальних факторів, що впливають на використання НМА директив у художньому дискурсі П. Вайта замість прямої імперативної форми висловлення, адже непряме висловлення сприяє підвищенню статусу адресанта перед адресатом. Непрямий спосіб репрезентації інтенціонального компонента у діалогічному мовленні – це більш престижний вид вербальної комунікації, тому він широко застосовується

серед освіченої частини населення [8, 142]. Героїня роману у непрямий спосіб впливає на зміну поведінки швейцара та досягає бажаного для неї результату у комунікації: *‘Oui, Henriette!’ called Monsoiur Durand’*. До того ж, обраний спосіб вербалізації комунікативної інтенції репрезентує знання мовця про умови кооперативного типу комунікації, норми та правила спілкування.

Комунікативна ситуація волевиявлення є важливою складовою цілеспрямованої та вмотивованої вербальної інтеракції, що реалізується за допомогою НМА. Непрямий мовленнєвий вплив волевиявлення вербалізовано у різних прагматичних типах непрямих висловлень та за інтенсивністю вираження охоплюють два типи впливу: категоричного і пом’якшеного волевиявлення. У романі П. Вайта *“The Aunt’s Story”* непрямі висловлення з категоричним і пом’якшеним волевиявленням обумовлюють важливість виконання співрозмовником вказаної дії мовця та мають високий ступінь прагматичної ефективності у комунікативних ситуаціях.

ЛІТЕРАТУРА

1. Бусел В. Т. Великий тлумачний словник сучасної української мови. Київ, Ірпінь: Перун, 2005. – 1728 с.
2. Даскалюк О. Л. Семантико-граматична характеристика імператива сучасної української мови. Автореф. дис. ... канд. філол. наук. Чернівці, 2005. 20 с.
3. Мясоедова С. В. Категорія спонування і її вираження в непрямих висловленнях сучасної української мови. Автореф. дис. ... док. філол. наук. Х., 2001. 19 с.
4. Никитин М. В. Основы лингвистической теории значения: Учеб. пособие. М.: Книжный дом “Либроком”, 2009. – 170 с.
5. Федорова Л. Л. Типология речевого воздействия и его место в структуре общения // Вопросы языкознания. Москва: “Наука”. 1991. – № 6. С. 46 – 51.
6. Шабат-Савка С. Т. Категорія комунікативної інтенції в українській мові: монографія. Чернівці: “Букрек”, 2014. – 412 с.
7. Brown P. Politeness: Some universals in language usage / P. Brown, S. Levinson. – Cambridge: Cambridge University Press, 1987. – 345 p.
8. Holtgraves T. Language as Social Action: Social Psychology and Language Use. New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc., 2002. – 238 p.
9. Thomas J. Meaning in Interaction. NY: Routledge, 1995. – 240 p.
10. White P. The Aunt’s Story. New York: Penguin Books, 1982. – 288 p.

МИКРОПОЛЕ «ЖЕНСКИЙ ВЗГЛЯД НА ХАРАКТЕР В. В. МАЯКОВСКОГО» КАК ЧАСТЬ ЛСП «ХАРАКТЕР В. В. МАЯКОВСКОГО»

Куренкова Т.Н.

Кандидат филологических наук, Сибирский государственный университет науки и технологий им. академика М.Ф. Решетнёва

Ключевые слова / keywords: Маяковский / Mayakovsky, характер / character, лексико-семантическое поле / lexical-semantic field, подполе / subfield, микрополе / microfield

Лексика прямо или косвенно отражает действительность, материальную и культурную жизнь народа, реагирует на изменения в обществе. Структура словарного состава рассматривается в двух аспектах: системные отношения между лексическими единицами и стратификация словарного состава. Изучение словарного состава языка методами структурной лингвистики знаменовало коренной перелом в понимании природы и сущности лексико-семантических систем, отмечает М. М. Маковский [1, 6].

Современные лингвисты все активнее используют подход с точки зрения лексико-семантического поля при изучении лексики, так как ЛСП открывает исследователям широкие горизонты в изучении и структурировании самой крупной подсистемы языка, которая с трудом поддается классификации и систематизации [2, 118].

За основу нашего исследования была взята глава из книги «Маяковский без глянца», которая содержит воспоминаний очевидцев о характере В. В. Маяковского. На основе анализа лексического материала этих воспоминаний, мы планируем составить ЛСП «Характер В. В. Маяковского». Особую ценность представляет тот факт, что составители данной книги обошлись лишь высказываниями очевидцев, не предлагая своих трактовок характера поэта и не делая своих заключений о его психологии. В ЛСП «Характер В. В. Маяковского» будет выделено 2 больших

микрополя «Мужской взгляд на характер В. В. Маяковского» и «Женский взгляд на характер В. В. Маяковского». В данной статье мы рассмотрели пока только женский взгляд, то есть второе микрополе планируемого ЛСП. Общий объем высказываний женщин-очевидцев о характере В. В. Маяковского составляет 1456 лексических единиц, после исключения слов, не характеризующих характер поэта непосредственно, осталось для анализа 715 лексических единиц. Микрополе «Женский взгляд на характер В. В. Маяковского» распадается на ряд подполей: «Взгляд Л. Ю. Брик на характер В. В. Маяковского», остальные подполя мы обозначим сокращенно «Взгляд Риты Райт», «Взгляд Лилы Герреро», «Взгляд Эльзы Триоле», «Взгляд Н. А. Брюхоненко», «Взгляд Т. А. Яковлевой», «Взгляд Е. А. Лавинской», «Взгляд Л. С. Татарийской», «Взгляд В. В. Полонской», «Взгляд Г. Д. Катанян». Ниже мы предлагаем таблицу, содержащую информацию о всех лексических единицах, использованных очевидцем при описании характера В. В. Маяковского, о лексемах, касающихся непосредственно описания характера «без воды» и процентное содержание последних к первым.

Подполе	Всего ЛЕ в воспоминании о характере поэта	Количество ЛЕ непосредственно о характере	Процент ЛЕ после исключения «воды» к общему объему воспоминаний
«Взгляд Л.Ю. Брик»	355	263	74,09%
«Взгляд Риты Райт»	34	34	100%
«Взгляд Лилы Герреро»	26	23	88,5%
«Взгляд Эльзы Триоле»	366	142	38,8%
«Взгляд Н.А. Брюхоненко»	208	71	34,13%
«Взгляд Т.А. Яковлевой»	4	2	50%
«Взгляд Е.А. Лавинской»	38	11	28,95%
«Взгляд Л.С. Татарийской»	38	10	26,3%
«Взгляд В.В. Полонской»	265	139	52,45%
«Взгляд Г.Д. Катанян»	122	20	16,39%
Итого:	1456	715	49,1%

Как видим из вышеприведенной таблицы, наиболее четко формулируют характеристики В. В. Маяковского Р. Райт (100%), Л. Герреро (88,5%) и Л. Ю. Брик (74,09%), а наиболее расплывчато, описательно, неконкрет-

но, на примерах с отступлениями Г. Д. Катанян (16, 39%), Л. С. Татарийская (26,3%), Е. А. Лавинская (28,95%).

Самые большие подполя по объему изначальных лексических единиц в воспоминаниях женщин – это подполя: «Взгляд Эльзы Триоле» (366 ЛЕ),

«Взгляд Л. Ю. Брик» (355 ЛЕ), «Взгляд В. В. Полонской» (265 ЛЕ), «Взгляд Н. А. Брюхоненко» (208 Л.Е), то есть женщин, которые в свое время были возлюбленными поэта, исключением является подполе «Взгляд Т. А. Яковлевой», оно самое маленькое, не потому, что Т. А. Яковлевой нечего сказать о характере поэта, а потому что в данную подборку воспоминаний составители книги внесли только одно небольшое воспоминание.

В подполе «Взгляд Л. Ю. Брик» можно выделить следующие микрополя «Задиристость» [3, 39], «Напористость», «Самоуверенность», «Нестеснительность», «Способность к наскоку, штурму», «Неспособность к «позиционной войне» » [3, 41-42], «Непосредственность, примитивность», «Превалирование эмоционально-эффективных сторон личности над сознательно-волевыми», «Импульсивность», «Богатое воображение, фантазия», «Мнительность» [3, 43], «Отсутствие условностей, «культуры» » [3, 42], «Гротеск и гиперболизм в действиях и поступках» [3, 43], «Неспособность входить в гармоничный, тесный, цельный контакт с людьми», «Театрализация, «ломание» на публику», «Подверженность влиянию близких по духу людей», «Слабая сознательная воля» [3, 48], «Чувствительность к малейшей обиде, фальши, лицемерию», «Обнаженность чувств и впечатлений», «Осознание себя прекрасным поэтом», «Неуверенность», «Необходимость в поощрении, похвале, признании» [3, 52], «Физическая подвижность», «Необычность» [3, 56-57].

Подполе «Взгляд Эльзы Триоле» состоит из следующих микрополей «Тяжесть молчания», «Посещение танцев», «Отправка с поручениями малознакомых людей», «Натягивание нервов своих и чужих до крайнего предела», «Напористость, энергия», «Трудный характер», «Не самодур, не скандалист», «Деликатность, вежливость, ласка к близким», «Желание властвовать над душой и сердцем близких», «Потребность в абсолютном, апогейном, идеальном, без скидок чувстве любви и дружбы» [3, 49-51].

Подполе «Взгляд Г. Д. Катанян» распадается на микрополя «Ревность», «Нетерпеливость» [3, 41], «Мальчишество» [3, 43], «Сожаление о невозможности исполнить гротескные поступки» [3, 43-44].

Подполе «Взгляд В. В. Полонской» содержит микрополе «Крайности» [3, 49], которое в свою очередь распадается на микрополя «Веселость», «Мрачность», микрополе «Аккуратность» [3, 54], «Непосредственность» [3, 43], «Внимательность» [3, 47], «Азартность» [3, 55].

Подполе «Взгляд Н. А. Брюхоненко» распадается на микрополя: «Щедрость в подарках» [3, 44], «Заботливость к друзьям» [3, 44-45].

Подполе «Взгляд Риты Райт» содержит одно микрополе «Пунктуальность» [3, 53].

Подполе «Взгляд Т. А. Яковлевой» тоже состоит из одного микрополя «Щедрость» [3, 44].

Подполе «Взгляд Лилы Герреро» содержит микрополе «Взгляд Маяковского» [3, 52], подполе «Взгляд Е. А. Лавинской» – микрополе «Разговор с ребенком» [3, 46], а подполе «Взгляд Л. С. Татарийской» – микрополе «Помощь соседям» [3, 47].

Таким образом, в данной статье мы выявили основные подполя микрополя «Женский взгляд на характер В. В. Маяковского» и обозначили возможные микрополя внутри этих подполей, а, следовательно, наметили пути дальнейшего исследования данного микрополя и ЛСП «Характер В. В. Маяковского» в целом.

Литература

1. Куренкова Т. Н. Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова. Автореф. дис... канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 19 с.
2. Куренкова Т. Н. Лексико-семантическое поле «Еда» в произведениях Н. В. Гоголя, А. П. Чехова, М. А. Булгакова: дис. ...канд. филол. наук. Кемерово, 2008. 248 с.
3. Фокин П., Тимофеев Д. Маяковский без глянца. – СПб.: ООО «Издательство «Пальмира»; ООО «Книга по требованию», 2016. – 590 с. – (Серия «Без глянца»).

ПРОБЛЕМА ЖИЗНИ И СМЕРТИ В ДУХОВНОМ ОПЫТЕ ЧЕЛОВЕКА.

Семенова М.Ю., Мансурова Э.Р.

студенты 1 курса юридического факультета

Стерлитамакского филиала БашГУ

Научный руководитель – к.и.н. доцент *Бадретдинова С.А.*

Ключевые слова: Жизнь, смерть, человек, проблемы, исследователи.

Keywords: Life, death, people, problem, researchers.

Проблема жизни и смерти всегда являлась объектом внимания исследователей. Она занимает главенствующее положение в философии и во всех аспектах культуры человечества. Причина такой насущности проблемы состоит в том, что она выступает как личностная проблема каждого человека, а так же она захватывает его чувственные переживания. Это одна из причин почему в экзистенциальной философии ей дается определенное место. Так же важное значение такая идея получает и в отечественной философии, так как большая часть населения находится за чертой бедности или на грани выживания и осознавая конечность своего существования. А в таком положении человека неизбежность своей смерти принимается не как

отдаленная проблема, а вызывает сильное волнение, эмоциональное потрясение, затрагивает самые далекие глубины его души.

В процессе развития философии возникали разные пути к разрешению вопроса о жизни и смерти. К постижению такого вопроса обращались великие философы человечества. Платон, например, говорил что люди понимают смерть как точку невозврата, где они теряют все что имеют, но на самом деле все совсем наоборот, только после смерти человек обретает всё и то что обычно мы понимаем как конец всего необходимо считать началом. Его поддерживал Эпикур, но он более тонко подходил к этой позиции и писал, что есть либо человек, либо смерть, не могут они существовать в одной реальности, либо

есть человек, либо есть смерть, человек никогда не встречался со смертью. Люди до ужаса боятся собственной смерти, они думают, что это тот конец который наступит их в неизбежном будущем. Но на самом деле необходимо знать что смерть находится позади нас, более правильно будет считать смертью уже прожитую жизнь. И незачем бояться смерти, он ведь не боится каждый вечер ложиться спать. То есть страх смерти обусловлен только лишь человеческим фактором, фактором их невежественности, непросвещенности и неразвитости.

Негативное отношение к смерти имело и в религиозных христианских взглядах и суждениях. Она рассматривается как определенная непреодолимая преграда на пути жизненных стремлений, противостоять которой бессмысленно. Ее считают карой за грехи Адама, а после него и всех последующих людей на земле. Но не только смерть существует по мнению христианства, но и Бог, у которого имеется возможность преодоления смерти. Смерть или же бессмертие это преимущество Бога. А человек лишь может надеяться на милость Бо-

жью. Люди надеются лишь на щедрость и всемогущества Бога, думая, что лишь он способен дать им бессмертие.

Жизнь и смерть противоположные понятия бытия. В человеке первоначально заложены цели по преодолению смерти или максимального ее отдаления. Приближение смерти повышает всю значимость и важность жизни, открывает в ней неизведанное, а так же делает наши чувства к жизни более яркими и наполненными. У человека возникает желание жить, например, когда он знает, что он скоро должен покинуть этот мир. Такое желание у него было и до этого, но после того как он узнал, что смерть уже не так далека, эти чувства обостряются, он хочет сделать все самое важное, что откладывал ранее. И если человек вдруг получает второй шанс и смерть отходит, такой человек знает цену жизни и не растрчивает ее за зря. Поэтому древние мыслители говорили: живи и действуй так как в последний раз. В последнее время у философов вопрос жизни и смерти становится наиболее актуальным.

Многие считают, что у человека должно быть право на легкую

смерть, но так же одновременно встречаются и много возражений по этому поводу. Некоторые люди считают эвтаназию непозволительной и неприемлимой, они говорят, что жизнь это единственное важное свойство, которое действительно имеет человек и она является неприкосновенной. Так же они утверждают что никто не имеет права лишать жизни другого человека каковы бы ни были обстоятельства, даже если человек сам просит об этом. Эвтаназия является противоположным принципу «пока существует жизнь, существует и надежда». Так как существует

такие моменты как ошибка врача, появление все новых технологий и лекарств, либо просто человек излечивается по непонятным причинам. А эвтаназия это процесс необратимый. Главным аргументом в пользу такого мнения может являться то, что философия, этика, право и другие науки должны стоять на страже законных интересов и прав людей, а самое главное права на жизнь.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Скрипкин А.Г. Философия / А.Г. Скрипкин. – М.: Юрайт, 2014.- 830 с.
2. Авдеев В. И. Философия. Хрестоматия / В.И. Авдеев, И.М. Бочарова. – М.: Центр, 2017. – 432 с.

ТЕМАТИЧЕСКИЙ ДИАПАЗОН АНГЛОЯЗЫЧНОЙ ТЕРМИНОСФЕРЫ ТУРИСТИЧЕСКОГО БИЗНЕСА

Брутман А. Б.

кандидат экономических наук, доцент

Запорожский национальный технический университет

***Summary.** The paper is devoted to topical peculiarities of tourism terms in the English language. The author outlines topical groups of terms taking into consideration their usage in different spheres of tourism discourse.*

Key words: tourism, discourse, term, topical groups, professional language

***Аннотация.** Работа посвящена тематическим особенностям туристических терминов в английском языке. Автор выделяет тематические группы терминов на основе их использования в различных областях туристического дискурса.*

Ключевые слова: туризм, дискурс, термин, тематическая группа, язык профессии

В современных гуманитарных исследованиях одним из доминантных направлений описания и структурирования реальности является антропоцентрический подход. В лингвистической науке – это исследование языка во взаимосвязи с различными видами деятельности человека. Одной из наименее изученных лингвистами сфер деятельности выступает отрасль туристического бизнеса. Язык туристического дискурса, который обслуживает социально-профессиональную группу работников этого

сегмента глобального экономического пространства остается на маргине научного осмысления. В данной работе активно используется понятие дискурса, понимаемого как “вербально опосредованная деятельность в специальной сфере” [1, 3–4], которая рассматривается в совокупности с экстралингвистическими факторами.

Туризм относят к наиболее динамично развивающимся сегодня сферам человеческой деятельности. Как следствие, в последнее время все чаще появляются рабо-

ты, которые связывает друг с другом стремление авторов доказать право туристического дискурса на отдельное лингвистическое существование – самостоятельное или в рамках уже оформившихся разновидностей дискурса, например – рекламного [12] или массово-информационного [10]. Сказанное определяет актуальность выбранной темы.

В данной работе туристический дискурс следует относить к институциональному типу дискурса, под которым понимают “специализированную клишированную разновидность общения между людьми, которые могут не знать друг друга, но должны общаться в соответствии с нормами данного социума” [8, 29].

Как самостоятельный вид институционального дискурса туристический дискурс выделяют на основании целого ряда признаков: существования своей собственной экстралингвистической основы, которая обуславливает особенности его лингвистического воплощения; «особой тематической направленности ситуаций общения (путешествия и отдых), ориентации на строго определённого адре-

сата (туриста), уникальности цели (проинформировать адресата о том или ином туристическом продукте и таким образом стимулировать продвижение этого продукта и одновременно помочь в непривычных обстоятельствах)» [13, 41–42].

Туристический дискурс в системе англоязычной институциональной коммуникации представляет собой персуазивную деятельность участников общения – адресанта (агента) и адресата (туриста), в реализации, которой участвуют специфические средства английского языка разных уровней [9, 4].

Объектом исследования выступает терминосистема англоязычного туристического дискурса, изучение которой относится к важнейшим условиям успешной профессиональной деятельности в сфере туризма.

Предметом исследования являются узкоспециальные туристические термины.

Целью является выделение тематических групп узкоспециальных терминов, представленных в специальном словаре туризма.

Решаются следующая **задача**: уточнение границ узкоспециальной терминологии туризма,

Основным источниками для данной работы послужило третье издание англоязычного специализированного словаря *Dictionary of Leisure, Travel and Tourism (2006)* [16].

Подобно другим подъязыкам, в лексическом составе туристических текстов выделяются три зоны: общая (общеупотребительная) лексика, общенаучная лексика (употребляется в текстах, относящихся к самым различным областям науки и техники) и узкоспециальная лексика (специальная терминология, которой пользуется ограниченное число специалистов). По определению С.В. Шевчук, «узкоспециализированные термины – это слова и словосочетания, которые обозначают понятия, способные отражать специфику конкретной отрасли» [15, 27]. Использование терминов данной группы считается наиболее характерной языковой чертой текстов, относимых к определенному типу дискурса.

Сложность определения границ объекта и предмета исследования заключается в том, что современный туризм представляет собой совокупность областей, связанных как со многими компонентами со-

циальной инфраструктуры (пассажирский транспорт, общественное питание, медицина и здравоохранение, физическая культура и спорт, культура), входящими в социальную сферу [2, 8–9], так и с экономической сферой жизни общества.

В связи с этим, мы не включили в корпус выборки узкоспециальной лексики туризма не являющиеся специфическими для туризма единицы, связанные с организацией работы транспорта и питания (*airbridge, bus lane, car rental firm, free parking, etc.; a la carte menu; American service, broccoli, caesar salad, chef's special, junk food, Lebanese cuisine, etc.*), медициной и охраной здоровья (*air ambulance, allergic, altitude sickness, antimalarial, communicable disease, medical aid, etc.*), физкультурой и спортом (*all-terrain boarding, aquatic sports, backcountry snowboarding, bathing costume, climbing, cross-country skiing, etc.*), культурой (включая, в первую очередь, культурно-географические характеристики локусов: *ancient monument, art gallery, arts festival, battle site, fun fair, wild life park, etc.*), а также экономической деятельностью (*advertiser, accounting period,*

complaints procedure, cost-benefit analysis, manpower requirements, mode of payment, etc.).

В лингвистической литературе выделяется набор признаков термина, который выглядит следующим образом: название специального понятия, однозначность, системность, мотивированность, понятийная ориентация, лингвистическая правильность, точность и краткость, языковая ориентация, стилистическая нейтральность, наличие научной дефиниции, продуктивность [5, 8]. К основным лексико-семантическим особенностям терминов обычно относят: системность, наличие дефиниции, тенденцию к однозначности в пределах терминологии данной науки, отсутствие экспрессии и стилистическую нейтральность [4, 508].

Между тем, во многих современных работах по терминологии центр исследования переносится в сферу функционирования термина, и последний трактуется как реальная, а не идеальная, желаемая языковая единица, в которой выявляются чисто «словные недостатки» – многозначность, синонимичность, полифункциональность, экспрессивность и пр. [11, 143]

Нет в лингвистике и общепринятого толкования самого понятия «термин». Одни считают, что к терминам следует причислять только отдельные слова (Будагов Р.А.), другие (Ахманова О.С.) расширяют границы его толкования. В частности, еще в начале 70-х годов прошлого века В.В. Виноградов предложил выделить в особую группу «целостные словесные группы, являющиеся терминами, т.е. выступающие в функции названия» [6, 27]. Вслед за получающей все большее распространение точкой зрения, термин в нашем исследовании понимается как номинативная единица (слово или словосочетание) специального языка, принимаемая для точного наименования специальных понятий [7, 33].

С учётом указанных выше ограничений, мы распределили узкоспециальные туристические термины по следующим тематическим группам: «виды туризма и деятельность туроператоров и турагенств», «размещение», «транспорт (услуги перевозки туристов)», «питание, рекреационные и прочие услуги». Предложенная тематическая классификация позволила охватить

584 единицы, которые были отобраны методом сплошной выборки из специализированного словаря и послужили языковым материалом данного исследования.

В качестве дефиниционных маркеров узкоспециальной лексики туризма использовались словарные пометы «TOURISM» и «HOTELS» и/или тематические индикаторы «tourism», «tourist», «hotel», «travel agency» и т. п., например:

fly-stay – adj. [HOTELS] referring to an arrangement where you book a *hotel* at the same time as booking a plane ticket [16, 122];

guidebook – n. [TOURISM] a book for *tourists*, explaining what there is to see in a place, where to stay, how to travel around and where to eat [16, 142];

triple occupancy – n. [HOTELS] three people sharing one *hotel* room [16, 323];

desk clerk – n. a *hotel* receptionist [16, 89];

key card – n. an electronic card given to a *guest* at registration, which acts as a key to their *room* [16, 170].

Выделенные тематические группы различаются между собой количественно. Превалирующей оказалась тематическая группа «раз-

мещение», единицы которой составляют 43,0 % в нашей выборке узкоспециальной терминологии; например: *bi-level suite*, *check-out*, *international*, *motor lodge*, *reception area*.

Каждая четвертая или пятая терминоединица данной выборки входит либо в тематическую группу «виды туризма и деятельность туроператоров и турагенств» (23,1 %): *action-packed holiday*, *capital break*, *mainstream tourism*, *on-your-own package*, *walking tour* либо в тематическую группу «питание, рекреационные и прочие услуги» (22,5 %): *breakfast room*, *hotel bar*, *laundry service*, *places of interest*, *self-catering*.

Тематическая группа «транспорт» образовала приблизительно десятую часть данной выборки (11,4 %): *affinity charter*, *camping trailer*, *coach station*, *luggage claim*, *private transfer*,

Тематическое распределение многокомпонентных узкоспециальных терминов туризма характеризуются более ровным распределением терминов по группам. Так, единицы превалирующей в количественном плане группы – «размещение» – составляют, в отличие

от простых терминов, лишь немногим более трети корпуса составных терминов (38,2 %); например: *boutique hotel, hotel chain, public rooms, reception, reservations clerk*.

Каждая четвёртая единица нашей выборки поликомпонентных туристических терминов входит либо в тематическую группу «питание, рекреационные и прочие услуги» (25,4 %): *conference and banqueting manager, guest services, house doctor, linen room, modified American plan*.

Чуть менее четверти (23,2 %) исследуемой лексики входит в тематическую группу «виды туризма и деятельность туроператоров и турагенств»: *activity holiday, get travel, inbound tourism, reality tourism, study tour*.

Каждая восьмая – относится к тематической группе «транспорт» (13,2 %): *airport transfer, departure lounge, direct flight, fly-drive holiday, left luggage office*.

Отдельного интереса заслуживает исследование семантических отношений, связывающих компоненты доминантного в количественном плане вида терминов туризма – бинарных именных единиц. Следует отметить, что, поми-

мо количественного преобладания двухсловных именных словосочетаний, характерного для многих современных терминологий [3, 104], атрибутивные словосочетания в целом несут важную функциональную нагрузку в современных терминосистемах: «с помощью определения, фиксирующего некоторую характеристику объекта, осуществляется объединение отдельных объектов в единый класс (процесс категоризации), а с другой стороны, происходит деление множества однородных объектов на подмножества (процесс классификации)» [14, 16].

Таким образом, термины, наряду с базовыми концептами, участвуют в формировании дискурсообразующих признаков туристического дискурса. Туризм неразрывно связан со многими сферами человеческой деятельности, поэтому терминосистема туризма характеризуется большим тематическим разнообразием, с одной стороны, и размытостью своих границ со смежными терминосистемами, с другой.

Проведённое исследование узкоспециальной лексики сферы туризма, источником для которой послу-

жил англоязычный специализированный словарь, позволило сделать следующие выводы. Термины сферы туризма могут быть разделены на следующие четыре тематических группы: «виды туризма и деятельность туроператоров и турагенств», «размещение», «транспорт (услуги перевозки туристов)», «питание, рекреационные и прочие услуги».

Литература

1. Алексеева Л.М., Мишланова С.Л. Медицинский дискурс: теоретические основы и принципы анализа. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 2002. – 200 с.
2. Аллахарова А. Г. Социальная сфера региона: состояние, проблемы и пути развития (на примере Брянской области): автореф. дис.... канд. экон. наук: 08.00.05 «Экономика и управление народным хозяйством (региональная экономика)». – Москва, 2012. – 25 с.
3. Васильева Л. Р. Частотный словарь терминологических словосочетаний английского подязыка органических полупроводников // Структурная и прикладная лингвистика: [межвуз. сб. науч. тр. / под ред. А. С. Герда]. – Вып. 3. – Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. – С. 104-109.
4. Васильева Н.В. Термин // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 508-509.
5. Величкова С. М. Структурно-семантические особенности терминологии женской косметики (на материале русского и немецкого языков): автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 «Теория языка». – Белгород, 2010. – 23 с.
6. Виноградов В.А. Словосложение // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н.Ярцева. – М.: Сов. Энциклопедия, 1990. – С. 469.
7. Гринев С.В. Введение в терминоведение. – М.: Московский Лицей, 1993. – 309 с.
8. Карасик В.И. Структура институционального дискурса // Проблемы речевой коммуникации. – Саратов: Изд-во Сарат. ун-та, 2000. – С. 25-33.
9. Лиховидова Е.П. Авторские стратегии построения гипертекстового пространства англоязычных интернет-сайтов отелей: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.04 «Германские языки». – Волгоград, 2011. – 21 с.
10. Полежаев Ю.Г. Когнитивно-ценностный аспект тревел-журналов // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Научно-теоретический прикладной журнал. – Тамбов: Грамота, 2016. – №4 (58). Часть 2 – С. 142-145.
11. Таранова Е. Н. Проблематика современного теоретического терминоведения, достижения и недостатки терминологических исследований // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2011. – № 24 (119). – Вып. 12. – С. 142-149.
12. Тюленева Н.А. Лингвокогнитивные стратегии позиционирования и продвижения туристических услуг в российской и англо-американской

- рекламе: автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». – Омск, 2008. – 26 с.
13. Филатова Н.В. Туристический дискурс в ряду смежных дискурсов: гибридизация или полифония? // Вестник МГОУ. Серия: Лингвистика. – Москва: Изд-во МГОУ, 2012. – № 3. – С. 41-46.
14. Ханаху Д. Р. Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках (сопоставительно-типологический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык», 10.02.20 «Сравнительно-историческое, типологическое и сопоставительное языкознание». – Майкоп, 2007. – 25 с.
15. Шевчук С. В. Українська мова за професійним спрямуванням: [підручник] / С. В. Шевчук, І. В. Клименко. – К.: Алерта, 2011. – 696 с.
16. Dictionary of Leisure, Travel and Tourism / Ed. by H. Bateman, E. Harris, K. McAdam. – London: A & C Black Publishers Ltd, 2006. – 385 p.

FRAMING OF THE CONCEPT PEACE IN THE ENGLISH DISCOURSE

Коваленко Р.В.

кандидат филологических наук
Запорожский национальный университет

Keywords: frame, subject, object, instrument, marker.

The subject of peace at the linguistic level is represented by the following nominating groups: the names of the representatives of the armed forces and the civilian population, anthroponymies, ethnonyms, the names of persons of a certain religion, countries, regions, government bodies, public organizations, etc. At the same time, as the language material demonstrates, the semantic groups of nominees of the subject of peace, for the most part, coincide with the subjects of the war, which, in our opinion, is explained by the dialectical situation of the war and peace [1, 276].

To the presence of the identified semantic groups of subjects to the corresponding lexical-semantic field indicate lexemy-satellites or the entire context.

As the linguistic material shows, the peace token as the basic nominee for the concept PEACE in the repre-

sentation of the subject of peace is, first of all, as an adjective component in the structure of the composite or prepositional phrase:

1. The word combination with the peace token in the pre-position is represented by the following types of nominations:

a) a phrase with the verbal names of a person in post-position, whose semantics correlates with the functions of the subject in the peacekeeping process:

1a) active support for peace: peace activist, peace movement, peace seekers: The next massive American peace movement developed in response to the intervention in Vietnam where U.S. the troops attempted to stop the growth of national liberation movements and socialism. You have come a long way in uniting and organizing a worldwide network of peace activists. We are asking you the peace activist

and all the peace seekers to step up to a higher level of peace making where the plan we provide you arms with a just and moral cause for peace on earth that can not be and will not be disputed. (<http://www.wewantworld-peace.com/Peace-Activists-and-Peace-Seekers.htm>);

1b) building peace: *peacemaking*; The term *peacemaking* is used in several different ways. According to the United Nations, peacemaking is “an act of bringing parties to the agreement, essentially through such peaceful means as those provided for in the Charter of the United Nations, Chapter VI, Pacific Dispute Settlement.” In this sense, peacemaking is the diplomatic effort aimed at moving a violent conflict into a non-violent dialogue, where differences are resolved through representative political institutions. The aim of peacemaking is thus to end the violence between the contending parties [2, 112]. Peacemaking can be done through negotiation, mediation, conciliation, and arbitration. International law provides another channel through international courts. (The Guardian, Oct. 16, 2002).

The variety of means of expression of the subject advocating for peace, refers to the relevance of this content

of the subject of peace, the desire of man to record in the language of various aspects of peace: *activity (activist), movement, the desire to find (seeker)*.

Thus, the revealed verbs with which the peace interacts as a patient reflects contemporary ways of peacemaking, including the stages of coercion to peace, and legal peace [3, 261].

As noted above, the representation of the object of peace within the framework of the lexical compatibility field of the basic nominee of the concept PEACE serves as a token of peace in the meanings of *state of peace* and *peace treaty*. Forging the first or second value besides the verb conjugation of peace tokens also promotes postpositive tokens in the structure of word combinations with the unit of peace.

Nominees of the optional slots, *time and space* in the subject-centered frame of the concept PEACE, actualize the temporal and local frameworks of the corresponding mental structure of the phenomenon of reality [4, 38]. The localization of the state of peace in time, similar to the war, in modern English-language discourse is determined by two directions:

1) verbalization of the time of peace in the history of mankind;

2) temporary duration of the world itself.

For the verbalization of the time duration of the state of the world, the attributes of peace tokens are used with the semantics of duration: *the longest period of peace, the lasting peace, the short peace, a little peace, some peace.*

The adjective *inner* and *outer* characterize space as a container, which can be filled by the world as a substance from the inside (*inner*), or immersed in this substance and be covered by the world externally (*outer*) [5, 100].

Literature

1. Nuyts J. Cognitive Linguistics / J. Nuyts // Journal of Pragmatics. – 1993. – Vol. 20. – № 3. – P. 269 – 290.
2. Paltridge B. Genre, Frames and Writing in Research Settings / B. Paltridge. – Amsterdam / Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 1997. – P. 111 – 113.
3. Harman G. Cognitive Science / G. Harman // The Making of Cognitive Science: Essays in Honour of George Miller // Ed. by W. Hirst. – Cambridge: Mass, 1988. – P. 258 – 277.
4. Berlitz C. F. The Etymology of the International Insult / C. F. Berlitz // Encountering Cultures. Reading and Writing in a Changing World / Ed. by R. Holeston. – N. J.: A Blair Press Book, 1992. – P. 37 – 40.
5. Chudynov A. P. Kohnytyvno-dyskursyvnoe yssledovanye polytycheskoy metafory / A. P. Chudynov // Voprosy kohnytyvnoy lynchvystyky. – Tambov: Hramota, 2004. – № 1. – S. 91 – 106.

FRAMING AS A METHOD OF CONCEPTUAL ANALYSIS

Коваленко Р.В.

кандидат филологических наук
Запорожский национальный университет

Keywords: frame, method, concept, analysis.

The analysis of the structure of concepts can be carried out from the position of the frame theory [1; 2; 3; 4]. Let's dwell on the framing method of concept analysis in more detail. By its very nature the frame is a way of a certain organization of information in the memory of man [5, 125]. Scientists consider the frame hyperonymous for such types of structures as diagram, schema, and script.

The scheme represents a generalized situation as generic relative to species and is associated with specific frames by hypo-hyperonomic relations. It is used in the cognitive interpretation of discourse because it simulates the typical representation of the situation in the speech. Schematics, unlike the scheme, simulates the visual image in the space of the conceptual system. Researchers are convinced that the level of scripts and schemas is most effective in the storage and use of knowledge, since a person per-

ceives just the average type of categorization, not the highest abstraction, and learns the most typical.

M. Minsky distinguished four levels of the scenario structure [7, 16], namely: 1) the surface-syntax frame includes the structure of verb + name, reflecting the presentation of the presentation of prepositional structures and the order of words; 2) the surface-semantic frame contains the meaning of words tied to action; 3) the thematic frame is connected with activity, environment; 4) the narrative frame serves as a *skeleton* of typical stories, explanations and evidences, it contains information about possible changes of attention, the main characters of the plot, the development of events, etc.

The script frame is a typical structure of a particular situation, combining its characteristic elements with fixed roles and positions [3, 16]. The hierarchical structure of the frame

consists of terminals-slots (terminals) and non-terminal nodes that contain specific information pertaining to the conceptual object that describes the frame. The terminal represents and describes the subject, its specific features, as well as information about the relationship between objects. The nodes of the frame that belong to the upper levels are more general, they are always fair to the imaginary situation. As a rule, they are filled with the name of the situation, the name of the action. The nodes of the lower levels are in most cases incomplete. They are called terminals. They must be filled in with specific data in the process of adjusting the frame to a specific situation.

Charles Fillmore used the concept of M. Minsky's "to describe the semantic roles of the components of the situation as the case framework and to consider the problem of understanding the new information based on the template of this framework" [7, 53]. Under the frame, he understood the "cognitive structure whose knowledge is assumed by concepts represented by words" [6, 54]. A frame is the structure of data associated with conceptual objects in memory and necessary to represent a particular stereo-

typed situation, that is, it depicts the constituent concepts and phenomena of the sphere being studied, organizing social phenomena in certain schemes.

In the frame, parallel verbal and nonverbal types of information can be used [5, 110] given that non-verbal forms can always be organized precisely through verbal.

We use the classification of frames proposed by S.A. Jabotinsky, which distinguishes the following basic types of frame structures: subject-centric, focal, associative, partonymic and hyponymic frames. The frame structure of the concepts WAR and PEACE is identical, since these concepts form dialectical opposition and network connections between vertex nodes that are unchanged, constant, adequate elements for the investigated situation, and nodes of lower order. If necessary the slots can be divided into terminals. Consequently, the vertices of the frame structure of the concepts WAR and PEACE are:

1) The subject of military activities/peace. The structure of this slot contains a subfield: the country, the nation, the military.

2) Object of military activity/peace: country, nation, military.

3) Military/Peacebuilding Instrument – ways and means of conducting military operations/securing peace. This slot is considered by us not only as an independent component of the frame structure of the concepts WAR and PEACE but also as an intermediate link between the Object Slots and the Military/Peace Object, since it illustrates the relationship between these constituent elements of the frame.

Literature

1. Barsalou W. L. Frames, Concepts and Conceptual Fields / W. L. Barsalou // *Frames, Fields and Contrasts: New Essays in Semantic and Lexical Organization* / Ed. by A. Lehrer, E. Kittay. – New Jersey: Lawrence Erlbaum Associates, Inc. Publishers, 1989. – p. 21 – 71.
2. Fillmore Ch. J. Frame and the Semantics of Understanding / Ch. J. Fillmore // *Quaderni di Semantica*. – 1985. – Vol. VI. – № 2. – p. 222 – 254.
3. Fillmore Ch. J. Frame Semantics / Ch. J. Fillmore // *Linguistic Society of Korea: Linguistics in the Morning Calm*. – Seoul, 1982. – P. 111 – 138.
4. Fillmore Ch. J. Toward a Framebased Lexicon: the Semantics of RISK and Its Neighbours / Ch. J. Fillmore // *Frames, Fields, and Contrasts*. Hillsdale, N.J.: Lawrence Erlbaum Assoc., 1992. – p.75 – 102.
5. Girenko L. A. Freymovaya kontseptsiya kak model' organizatsii znaniy v leksike yazyka / L. A. Girenko // *Kognitivnaya semantika: Materialy Vtoroy Mezhdunarodnoy shkoly-seminara po kognitivnoy lingvistike*, 11-14 sentyabrya 2000 g. / Otv. red. N. N. Boldyrev; Redkol.: Ye. S. Kubryakova: V 2 ch. – Tambov: Izd-vo Tambovskogo un-ta, 2000. – CH.2. – p. 55 – 56.
6. Selivanova Ye. A. Osnovy lingvisticheskoy teorii teksta i kommunikatsii / Ye. A. Selivanova. – K.: Brama, Izd-vo Vovchok O. YU., 2004. – 336 p.
7. Minskiy M. Freymy dlya predstavleniya znaniy / Marvin Minskiy. – M.: Energiya, 1979. – 152 p.

FRAMING OF THE CONCEPT WAR IN THE ENGLISH DISCOURSE

Коваленко Р.В.

кандидат филологических наук
Запорожский национальный университет

Keywords: frame, subject, object, instrument, marker.

The variety of nominees of the subject of war shows that the war concerns everyone. The subject of the war in contemporary English-language journalistic discourse is represented by a significant volume of lexical units – the names of representatives of the armed forces and civilian population, anthroponyms, ethnonyms, the names of persons of a certain religion, countries, regions, government bodies, public organizations, etc.

Relationships between the subject and the object of military activity, which simultaneously act in two roles – *aggressor* and *victim*, can be represented as an actional frame: AGENS, PATIENTS, INSTRUMENT. That is, in this case, the active slots AGENS (the subject of military activity), PATIENTS (the object of military activity) and the INSTRUMENT are active in the actional frame. In the structure of the Slot, the Officer of

Military Activities (*agens*), we distinguish three sub-sections, namely: Individual Subjects, Groups / Organizations, Countries / Regions.

Lexical markers that update the slot of the *Object of War*, reflect the confrontation between Western and Eastern world outlook through their opposition vs alien. Scientists note that this dichotomy arises “as a result of the influence of various extra-linguistic factors – pride in their own community, rejection, critical attitudes towards the behavior of other ethnic groups, etc.” [1, 148]. In our case, it illustrates the contrast between the West:: East, thus showing the antagonism of different ideologies.

An illustration of the confrontation between Western and Eastern views in the context of hostilities is their differentiation according to the principle of “our vs the others” (*our* people vs *your* people): “On July 7th

last year, four very common British-born Muslims blew themselves up on the London underground, leaving behind martyrdom tapes making it clear... that they saw “our people” as being at war with “your people” (The Economist, September 8, 2006). This opposition, in turn, affects the choice of linguistic means for naming persons involved in military activities.

The analysis of the compatibility of the wartime lexeme with verbs has shown that this token interacts with typical for event names with actional verbs that update a certain phase of an event, for example, the beginning of a war can be expressed in the following way: “When Johnson began bombing North Vietnam and sent the Marines to South Vietnam In early 1965, he had every intention of fighting a limited war. The Vietnam war began because American president Eisenhower did not want communism to spread throughout the world and eventually to America. “ (Washington Post, March 21, 2003). “France refused to recognize Vietnamese independence, and the war broke out between the French and the Viet Minh” (The Guardian, March 8, 2007).

The end of the war is mainly expressed with the help of a finite verb

to end, for example: “The Moratorium to end the War in Vietnam was a massive demonstration against the United States’ involvement in the Vietnam War that took place across the United States on October 15, 1969.”

The *object* of military action is the one warring against subject of war. Accordingly, in the English-speaking publicistic discourse, the *object* of the war is profile within the scope of the compatibility of the wartime lexeme due to the syntactic constructs *war + on*, *war + with*, *war + between*, and also *war + against*.

The existence in contemporary English-language discourse of constructions with the above-mentioned prepositions is the result of ambiguous perception of the phenomenon of war from the standpoint of the basic socio-cultural opposition “its – the stranger”.

Categories of time and space (chronotope) J.A. Gurevich calls the defining parameters of the existence of the world and the basic forms of human experience [2, 114]. N.D. Arutyunova [3, 509], considering the token of the war, notes that any event is characterized by a triple localization: it is localized in a human sphere; it occurs at some time and takes place in some real space.

Literature

1. Shvachko S. O. Status kul'turem v tekstakh maloho zhanra / S. O. Shvachko, I. K. Kobyakova // Visnyk Kharkivs'koho natsional'noho universytetu im. V. N. Karazina. Seriya: Romano-hermans'ka filolohiya. – Kharkiv: KHNU, 2004. – № 636. – p. 148 – 153.
2. Hurevych A. YA. Katehoryy srednevekovoy kul'tury / A. YA. Hurevych – 2 yzd., yspravlenoe y dopolnenoe. – M.: Yskusstvo, 1984. – 350 p.
3. Arutyunova N. D. Yazyk y myr cheloveka / Nyna Davydovna Arutyunova. – M.: Yazyky russkoy kul'tury, 1999. – 896 p.

РОЛЬ ГЛИБИННОГО СМISЛУ ТЕКСТУ ПРИ ВИРАЖЕННІ ІРОНІЇ

Блинова І. А.

докторант

Національного педагогічного університету ім. М. П. Драгоманова

Статтю присвячено дослідженню ролі глибинного смислу художнього тексту при вираженні іронії. Доведено, що найбільш показовим рівнем функціонування тропів, фігур мовлення і стилістичних прийомів для реалізації іронічного ефекту є лексичний / лексико-синтаксичний. Продуктивними мовностилістичними засобами є епітет, гіпербола, мовна гра та її різновид каламбур, зоонімічна метафора, парадокс, зевгма, антитеза.

Ключові слова: іронія, глибинний смисл, мовностилістичні засоби, художній текст.

The article deals with the role study of the belles-lettres text deep meaning in the expression of irony. It is proved that the most indicative level of tropes, speech figures and stylistic techniques functioning for the implementation of the ironic effect is a lexical / lexical and syntactic one. The productive language linguistic means are epithet, hyperbole, language play and pun, zoosemy, paradox, zeugma, antithesis.

Keywords: irony, deep meaning, language linguistic means, belles-lettres text.

Зазначимо, що, починаючи з Античності, іронія як філософсько-естетичне, літературознавче і лінгвістичне явище привертала увагу вітчизняних і зарубіжних учених, а її теоретичне вивчення в мовознавстві продовжує започатковану традицію, яка наразі супроводжується появою нових інтерпретацій іронії в руслі ар-

гументативно-поліфонічної теорії О. Дюкро, теорії вербальних інтеракцій К. Кербрата-Ореккіоні, теорії «іронічного відлуння» Д. Спербера та Д. Уїлсона, семантичного підходу Г. Вайнріха та Г. Льофлера, прагматичної теорії М. Флудернік, теорії кооперативності Г. П. Грайса тощо [4, с. 1].

З XIX ст. по теперішній час цей

феномен став особливо активно розроблятися в аспектах його вивчення й інтерпретації як тропа; як стилістичної фігури; як стилістичного прийому; як різновиду категорії комічного; як засобу емоційно-оціночної критики; як концептуальної категорії тексту; як типу мовленнєвого акту або як його компонент; як ментального лінгвокультурного утворення; як виду дискурсу в роботах М. М. Бахтіна, Ю. Б. Борева, Б. Дземідока, Р. А. Семківа, Н. К. Саліхова, В. М. Півоева, О. О. Лаптевої, Р. Рорті, І. К. Білодіда, Ю. М. Лотмана, Д. Н. Шмельова, Р. Ескарпі, Д. С. Кауфера, М. О. Багдасарян, О. Я. Палкевич, Т. Ф. Лимаревої, О. О. Брюханової, С. І. Походні, О. Б. Шонь, Ф. С. Бацевича, В. З. Саннікова, О. М. Калити, Г. В. Яновської, Б. А. Гомлешко, А. М. Варинської, Ю. М. Мухіної, Ю. О. Гарюнової, Ж. Є. Фомичевої, М. Є. Лазаревої, Н. В. Ланчуковської, І. В. Циркунової та інших науковців [2; 4].

Зазначені роботи присвячені комплексному аналізу явища іронії у багатьох мовах: підвидів цього явища (прихованої і неприхованої іронії; ситуативної й асоціативної

іронії; контекстуальної і текстоутворюючої іронії; verbal (situational) / dramatic irony, local / extended irony; її функцій (номінативною, характерологічною, емотивною, дескриптивною); її рівнів (лексико-семантичного і смислового); місця іронії та її видів у логіко-семантичній типології форм комічного; засобів її репрезентації на різноманітних мовних рівнях (фонетичному, морфологічному, лексичному, синтаксичному) та рівнях організації свідомості (на рівні організації мовлення, тезаурусному рівні, текстовому рівні, екстралінгвальному рівні). Дослідження здійснюються на матеріалі текстів, що мають різноманітну стильову і жанрову спрямованість, і представлені як мовою оригіналу, так і перекладу.

Сучасній прозі, англomовній зокрема, притаманна специфічна іронічна модальність, що є засобом вираження авторської позиції й оцінки. У багатьох літературознавчих дослідженнях домінує думка про те, що, з огляду на складність проявів іронії, її варто розглядати як художній принцип побудови постмодерних творів, сутність якого полягає в специфічному звучанні або тональності, яка проявляється

в основній (домінуючій) інтонації художнього тексту і реалізується за допомогою певних лінгвостилістичних засобів.

Мета цієї розвідки – проаналізувати провідні мовностилістичні засоби вираження іронії на певних мовних рівнях. *Матеріалом* нашого дослідження слугують англomовні прозові твори малих форм найвидатнішого письменника сучасної літератури Кевіна Баррі (1969), що входять до збірки оповідань “Dark Lies the Island”. Як доводять наші спостереження, іронія функціонує на рівні *глибинного смислу* тексту, що являє собою узагальнений, не прив’язаний до окремих мовленнєвих складових, зміст, і є витвором численних поверхневих смислів, відбитих у мовленнєвій тканині цілого тексту.

Про глибинні, як і про поверхневі, явища можна говорити тільки образно, метафорично. Специфіка глибинного смислу тексту залежить від комбінації смислових рівнів, синтезованих у конкретному тексті: *предметний* смисл відповідає ситуації (фрагменту дійсності), яка відображається у тексті; *образний* смисл – результат об’єктивації асоціативного мислення автора –

виявляється в наявності змістовної двоплановості, картинності, оціночності; *ідейний* смисл є відображенням задуму, концепції автора. Глибинний смисл виступає як результат співвідношення наявних в тексті смислових пластів (рівнів) [3, с. 42].

В аналізованих творах іронія, як правило, реалізується на рівнях образного та ідейного смислів або їх поєднанні. Так, в оповіданні “Wifey Redux” образний смисл відтворює ревності батька до сімнадцятирічної доньки через виникнення в неї серйозних стосунків з хлопцем. Смисл ідейний, надбудовуючись над образним і частково зливаючись з останнім, відбиває, поперше, психологічний і морально-етичний погляди автора на інтимні стосунки між людьми, які належать до різних вікових категорій; по-друге, філософський погляд автора на «конфлікт поколінь».

Разом з тим результати проведених досліджень на матеріалі художніх прозових творів показують, що іронічний ефект створюється організацією засобів мови як у структурі авторської оповіді, так і в мовленні персонажів і передається через широкий діапазон тропів, фігур

мовлення і стилістичних прийомів. Текстова реалізація іронії як макрофігури на глибинному рівні відбувається за рахунок сукупності мовностилістичних засобів її вираження на певних мовних рівнях (фонологічному, графічному, морфологічному, словотвірному, лексичному, синтаксичному) або їх перетині.

Високу частотність ужитку в аналізованих оповіданнях мають **епітети**, що функціонують на лексико-синтаксичному мовному рівні. Іронічне відношення автора до зображуваного предмета (погоди, манери, поведінки, майна) відбувається завдяки наявності в цьому тропі емотивних або експресивних конотацій: *It was **dogs-dying-in-parked-cars** weather* [6, с. 27]; *Aodhan had gone home, and I could hear the **thunk, shlank, whumpf** of her music from upstairs, and Saoirse had gone into her **keeping-an-eye-on-me** mode; she was all concerned and hand-holdy now* [с. 9]; *It's **end-of-the-fucking-world** stuff out there,' I said* [6, с. 12].

Як бачимо, експресивність наведених так званих за структурною класифікацією фразових (phrasal) / реченневих (clausal) епітетів зростає за рахунок транспозиції за ти-

пом голофразису, тобто okazіонального функціонування словосполучення або речення як цілісноформленого утворення, що графічно, інтонаційно і синтаксично уподібнюється до слова [1, с. 70].

Наступним за ступенем репрезентативності тропом виступає **гіпербола**, що використовується автором на лексичному рівні з метою посилення іронічної тональності при передачі внутрішнього стану героя після нездійсненої мрії першого поцілунку та сексуального досвіду: *With her steps' fading, the summer went, even as the sun came higher across the rooftops and warmed the stone ledge and the slates, and I looked out across the still, quiet city, and I sat there for hours and for months and for years. I sat there until all that had been about us had faded again to nothing, until the sound of the crowd died and the music had ended, and we all trailed home along the sleeping streets, with youth packed away, and life about to begin* [6, с. 4].

Характерною рисою побудови гіперболи є, як видно, її поєднання з такими виражальними засобами синтаксису, як паралелізм (I sat there...), анафоричний полісиндетон (and, until) [5]. Ці прийоми є

одними з найбагатших джерел експресивності, оскільки слугують для посилення значущості висловлювання, задаючи певний ритм прозаїчному тексту.

Мовна гра також є продуктивним засобом реалізації іронічного смислу. У наведеному нижче діалозі наявне глузування дорослого чоловіка із зовнішністю та поведінкою гієни з «мамчиного сінка» Доні:

‘What’s it they call you?’ the man says.

‘Donie.’

‘Ah yeah. Is it short for Domhnaill?’

‘It is.’

‘The Irish spelling?’

‘That’s right. D.O.M.H ...’

‘Good ...’

‘N.A.I.L.L.’

‘Very good. *Give the boy a biscuit.*’

‘I ate my last biscuit’ [6, с. 22].

У цьому фрагменті спостерігаємо обігравання на лексичному рівні смислів, що виникають у випадку полісемії, зокрема регулярно є полісемія типу «пряме і переносне / фразеологічно зв’язане» значення слів. Так, виступаючи складовою словосполучення “to eat a biscuit”, лексема “a biscuit” вживається в

прямому значенні, тоді як у словосполученні “to give smb. a biscuit” вона має переносне значення: означає похвалу за дії, у відповідь на яку не надійде винагорода. Переляканий хлопець неправильно тлумачить намір міцного чоловіка (*Дайте хлопцю печива!*) і по-своєму реагує на нього (*Я з’їв останнє печиво*). Подібне зіткнення значень слугує підґрунтям для утворення такого різновиду мовної гри як семантичного каламбуру.

Не меншу розповсюдженість мають іронічні **зоонімічні метафори** (зооморфізми / зоосемізми), в яких назви тварин використовуються для позначення та характеристики людських якостей, рис характеру та манери поведінки: *I watched the motherfucker from the island counter – the way he wolfed the stuff down was unreal* [6, с. 8]. У цьому випадку джерелом зоосемії, що функціонує на лексичному мовному рівні, є процес прийому персонажем їжі: він заковтувати її з «вовчою» жадібністю. Поряд з емоційною зоосемізією, як правило, мають сильну негативну оціночну, а також експресивну і стилістичну (розмовну) конотації [1, с. 101].

В аналізованих текстах художньої малої прози глузуливе, іронічне ставлення автора до зображуваної ним дійсності може досягатися за допомогою такої стилістичної фігури як **парадокс**. Іронічна парадоксальність породжується свідомим поєднанням різнопланових, гетерогенних закінчень висловлювання, що представлено в наступному прикладі: *'My brother got the house, my sister got the money, I got the manic depression'* [с. 26]. У даному випадку протиріччя виникає між тим, що стверджується в першій і другій частинах висловлювання (мій брат отримав у спадок будинок, моя сестра – гроші), і тим, що виникає в третій (я отримав маніакальну депресію). Неочікувана реалізація останньої частини створює контрастний парадоксальний ефект, що базується на синтаксичному частковому паралелізмі.

Як показав аналіз, **зевгма** посідає провідне місце серед фігур мовлення на позначення іронічного смислу, що досягається через протиріччя між схожістю двох синтаксичних структур та їх семантичною неоднозначністю: *She had amazing **tits**, too, **small but textbook**, perfectly cuppable, and an outstanding arse* [с. 4].

Традиційним засобом вираження іронії на лексичному рівні є **антитеза**, що функціонує на рівні складного речення завдяки полісиндетону: *Capitalise it: Acceptance. I needed to accept what was put before me – **be it a watery grave in Ireland's only natural fjord, or a return to the city and its greyer intensities, or a wordless exile in some steaming Cambodian swamp hole, or poems or no poems, or children or not, lovers or not, illness or otherwise, success or its absence**. I would accept all that was put in my way, from here on through until I breathed my last* [с. 19]. Ситуативна конфронтація семантично протилежних фраз відбиває стан героя напередодні неминучої трагедії за умов фатальної ірландської зливи.

Отже, в аналізованих творах іронія функціонує на рівні глибинного смислу тексту. Найбільш показовим рівнем функціонування тропів, фігур мовлення і стилістичних прийомів для реалізації іронічного смислу художнього тексту є *лексичний / лексико-синтаксичний*. Разом з тим продуктивними мовно-стилістичними засобами є епітет, гіпербола, мовна гра та її різновид каламбур, зоонімічна метафо-

ра, парадокс, зевгма, антитеза. *Перспектива* подальших розвідок полягає, як нам убачається, в детальному аналізі мовностилістичних засобів створення іронічного ефекту на інших мовних рівнях при вивченні своєрідності творчого методу Кевіна Баррі.

Література

1. Арнольд И. В. Стилистика. Современный русский язык: Учебник для вузов / И. В. Арнольд. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 384 с.
2. Калита О. М. Засоби іронії в малій прозі (кінець ХХ – початок ХХІ століття) / О. М. Калита: монографія. – К.: Вид-во НПУ ім. М. П. Драгоманова, 2013. – 238 с.
3. Купина Н. А. Глубинный смысл текста / Н. А. Купина // Стилистический энциклопедический словарь русского языка / [под ред. М. Н. Кожжиной]. – М.: Флинта: Наука, 2003. – С. 42–43.
4. Циркунова І. В. Засоби відтворення іронії в українських перекладах сучасної іспанської прози: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук: спец. 10.02.16 „Перекладознавство” / І. В. Циркунова. – К., 2016. – 19 с.
5. Электронный словарь АБВУГ LINGVO 12 Multilingual Edition [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <http://www.lingvo.ru>.
6. Barry Kevin. Dark Lies the Island [Електронний ресурс]. – Режим доступу : <https://knigogid.ru/books/403658-dark-lies-the-island/toread>.

DEVELOPING STUDENTS' PHONETIC COMPETENCE

Зоз О.А.

кандидат філологічних наук, доцент

Горлівський інститут іноземних мов державного вищого навчального закладу «Донбаський державний педагогічний університет»

Бережна С.В.

вчитель Новоайдарська школа-гімназія

The paper deals with the problems of teaching pronunciation as an integral part of foreign languages learning, the phenomenon of prosodic interference on the syllable level and the typology of deviations from the English language prosodic norm in the speech of the EL learners.

Key words: communicative competence, phonetic competence, pronunciation, prosodic interference, dynamic syllable model.

Any learner with a goal of learning English for communicative purposes needs to learn sounds, word-accentuation, rhythm and intonation of English. The importance of pronunciation takes on even greater significance when we understand the connection between pronunciation and other aspects of language use. In view of the fact that information about pronunciation supports not only speaking skills but also the skills of listening comprehension, reading and writing, pronunciation should be treated as an integral part of the entire process of learning English as a foreign language.

Before the 1970s, linguistic competence was defined narrowly in terms of the grammatical knowledge of idealized speakers. In the 1970s linguists became interested in extended notions of competence. Dell Hymes was among the first to use the term communicative competence. For Hymes the ability to speak competently means not only knowing the grammatical rules of a language, but also knowing what to say, to whom, in what circumstances and how to say [4, 45].

Despite the growing literature on theories concerning the development of communicative competence, there is still an unfortunate lack of research on

this topic. Many researchers point out that only through increased understanding of the development of communicative competence will the current disarray in the area of communicative language teaching disappear.

This understanding might suggest which aspects of communicative competence are most essential to classroom instruction; communicative competence minimally involves four areas of knowledge and skills. These include sociolinguistic competence, strategic competence, grammatical (or linguistic) competence. Linguistic competence reflects knowledge of the linguistic code itself and includes knowledge of pronunciation, vocabulary and sentence formation. Thus, phonetic competence may be considered to be an equally important aspect of linguistic competence and, consequently, of the communicative competence.

Of all levels of the language, pronunciation exhibits the highest number of deviations from the norm which are also the most readily tolerated in many circles. Too much tolerance in the teaching / learning of pronunciation has a greater effect on intelligibility than is usually thought. Of all levels of linguistic analysis, pronuncia-

tion is the greatest source of intelligibility failure – it accounts for as much as 91, 2 per cent of the causes of intelligibility failure [5, 631].

Reports on cases of unintelligibility non-native English speech in real life situations abound in literature [2, 148; 3, 104]. The rate of intelligibility failure caused by segmental, phonotactic, stress and rhythmic errors is extremely high. Thus, it can be suggested that the teacher should stick to orthoepic norms of pronunciation as much as possible.

The importance of pronunciation takes on even greater significance when we understand the connection between pronunciation and other aspects of language use.

Learning about pronunciation develops learners' abilities to comprehend spoken English and in order to comprehend spoken English one should be able to produce the correct patterns himself. Besides, listeners need to know how speech is organized and what patterns of intonation mean in order to interpret speech correctly.

Pronunciation can also convey grammatical information and the speaker's attitude. It is obvious that the ambiguity of a sentence occurs only in the written language. When

the sentence is spoken, the ambiguity disappears.

Thus, pronunciation is not only important for oral communication, but it is closely connected with listening comprehension, grammar and reading. To ignore pronunciation is to ignore important information that can support these skills. Therefore the study of prosodic interference, that is the distortion of the prosodic norm of a foreign language under the influence of the mother tongue prosody, has both theoretical and practical importance. A thorough investigation of the typology of deviation from the language prosodic norm embraces some aspects. We have made an attempt to analyze the prosodic interference on the syllable level.

Syllable is the minimal pronounceable unit of the language, and correct pronunciation means, first of all, the correct articulation of syllables but not isolated sounds. Thus, the topicality of the research is indisputable.

Our experimental investigation is an attempt to compare the dynamic models of English syllables pronounced by the native speakers of English and non-native learners of English.

The aim of the experiment is to analyze the most current mistakes in

reading English words of the one and two rhythmic group structures. The words are selected from the Intermediate Pronunciation Course «Ship or Sheep?» edited by Ann Baker. A group of 30 students were given a task to imitate the pronunciation of the native speakers and do the recording of the words pronounced with the mid wide falling tone after the listening-in session.

The data obtained in the process of the comparative analysis suggest the following conclusions: 1) 30 per cent of the students actualize the words with the rising, falling-rising or level tones, and 50 per cent of the students use the narrow falling tone which is typical of their mother tongue. Besides, the dropping of the voice in English is more abrupt than in Russian and Ukrainian; 2) 40 per cent of the students have a strong violation in the pronunciation of the English short vowels in stressed closed syllables: they are not checked by their sound quality. The EL learners also make mistakes in the production of the English consonants, namely there is no muscular tension in the articulation of the voiceless consonants at the beginning of a stressed syllable; 3) in 40 per cent of the students' sound

production there is no difference in a degree of loudness between stressed and unstressed syllables.

The acoustic analysis with the help of the special computer programme made it possible to specify the phonetic differences in the realization of the dynamic models of the words [1]. The comparative analysis of the dynamic syllable models revealed that the dynamic peak of the checked vowel in the native speakers' pronunciation is shifted either to the beginning or to the centre of the realization; and there is a close transition of the stressed vowel to the following consonant, while in students' dynamic models (50 per cent) the dynamic peak of the stressed vowel is shifted to the end of its realization, and 75 per cent of their dynamic models have a double peak in the monosyllabic words, i.e. there is a loose transition from the stressed vowel to the following consonant.

The English long vowels may be also carriers of mistakes in the non-native EL learners' pronunciation. The dynamic peak of the vowel [i:] is shifted to the centre of realization. 30 per cent of the students' intensity arches have the dynamic peak at the beginning of the vowel realization.

Besides, the intensity of pronunciation is much lower in the actualisation of the students than it is required by the English pronunciation norm; 40 per cent of the students make a mistake in the pronunciation of the final syllable ending in a sonorant, since this phenomenon doesn't occur in their mother tongue.

The contrastive analysis of the dynamic prosodic syllable models will help to reveal and prevent the prosodic interference in the syllable production bringing the EL beginners' awareness and competence to an advanced level.

It is not unusual for teachers who are not native speakers of English to feel apprehensive about teaching pronunciation. Becoming educated about teaching pronunciation in its broader scope can make a big difference, in a teacher's feeling of confidence. What many teachers have dreaded about pronunciation has been the undue attention to sounds. By attending to the broader features of pronunciation, which have a more immediate effect on communication, teachers will find that teaching pronunciation will be a much more successful and satisfying experience.

References

1. Потапова Р.К. Слоговая фонетика германских языков [Текст] / Р. К. Потапова. – М.: Высш. шк., 1986. – 144 с.
2. Brown G. Listening to Spoken English / G. Brown. – London: Longman, 1977. – 171 p.
3. Honey J. Does Accent Matter? / J. Honey. – London: Faber and Fabes, 1989. – 242 p.
4. Hymes D. On Communicative Competence / D. Hymes // Sociolinguistics / [ed. J. B. Pride and J. Holmes]. – Harmondsworth. Middx.: Penguin, 1972. – P.41-63.
5. Wells J. Accents of English / J. Wells. – Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1982. – Vol. I-III. – 672 p.

КОММУНИКАТИВНЫЙ АСПЕКТ МЕДИАДИСКУРСА

Фрумкина А. Л.

к.ф.н, доцент

НУ «Одесская юридическая академия»

Ключевые слова: коммуникатор, медиадискурс, коммуникация, двойная адресация, речь СМИ.

Key words: communicator, media discourse, communication, double-address, mass media language.

В последние десятилетия СМИ подразделяются на печатные и электронные, а значимость медиадискурса неуклонно растет – при оптимизации деятельности общества, осуществлении контакта в процессе формирования группового сознания и социального контроля. СМИ играют роль творца искусственных образов, символов и кодов, которые вместе образуют гиперреальность – довлеющий ориентир в социальной жизни – предлагают свое видение мира. Когда роль самосознания в формировании образа снижена, а в сознание индивида вторгается внешняя информация – происходит стереотипизация и, как следствие, упрощенное видение мира. Однако появление в коммуникации диалогических элементов способствует ее

осложнению, поскольку делают картину коммуникативной ситуации более полной, занятые в диалоге персоны разговаривают не только друг с другом, но с оглядкой на слушателей/зрителей. Для понятийного определения этой комплексности выделяются два «коммуникативных круга», «внутренний» круг диалогического события и «внешний» круг отношений между участниками диалога и публики [1]. В передачах с публикой в студии уже три коммуникативных круга и тройную адресацию: из внутреннего круга (с его внутренней адресацией) в первый внешний круг (публика в студии) и в то же время во второй внешний круг (публика по другую сторону экрана). В определенной степени отношение первого внешнего круга со вторым

внешним кругом также адресовано: публика в студии знает, что и ее увидят и услышат, а значит и ведет себя соответственно.

В телевидении бросается в глаза не только наличие, но и эффективность коммуникативных кругов, например в телевизионных выпусках новостей один и тот же диктор может двигаться в обоих кругах: во внешнем круге он обращается к зрителю визуально и вербально, а во внутреннем круге, в Live-разговоре к гостю в студии или другому корреспонденту из другой студии, к своему интервьюируемому. И, безусловно, совершенно понятно, что разговор во внутреннем круге «вблизи» зрителя ведет уже во внешний круг. Двойная или множественная адресация может реализовываться в разных формах и с разными функциями [5].

«Коммуникатор» – это «посланик», а не просто определяемая, часто не единая величина в медиа. На радио и телевидении человек, составляющий текст и человек его презентующий публике, как правило, не идентичны. Тексты, как правило, пишутся редактором (иногда несколькими) и именно он с перспективы продукции и явля-

ется первичным коммуникатором. Реципиенту передают текст уже посредством диктора, который может считаться вторичным коммуникатором. С перспективы реципиента последовательность и очередность обратная: диктор первичен, а редактор, собственно и являющийся продюсером, чаще всего не берется в расчет и не является в сознании зрителя. В передачах, создаваемых модератором, еще сложнее определить величину «коммуникатора»: в зависимости от типа передачи, модератор становится в большей степени составителем текста или презентует его. Поскольку он, при известных условиях, выбирает live-statements, ведет интервью, но и презентует заранее подготовленные части программы (видео отчеты и т.п.), его все равно «снабжают» текстами других коммуникаторов. Что касается реципиента, то что он слышит или видит – это сеть коммуникаторов во главе с главным и многими побочными коммуникаторами. С перспективы продюсера вся команда редакторов и есть главный коммуникатор [1].

Достаточно сложно определить, кто в массовой коммуника-

ции отправитель, но еще сложнее определить, с кем же на самом деле ведет разговор коммуникатор. В публицистических исследованиях реципиенты названы «дисперсной публикой», т.е. размытым в пространстве и времени большим количеством людей и не конкретной величиной [4]. С перспективы журналиста главная дилемма массовой коммуникации состоит в том, что она протекает только в одном направлении. У реципиента нет возможности непосредственно реагировать и влиять на коммуникативные удачи и неудачи; коммуникатор же не получает непосредственной, прямой отдачи. Модератор сопровождает реципиента и обращается к нему, как будто с глазу на глаз, приватно – это фиктивная форма дискретной коммуникации, которую часто называют «парасоциальной».

К вопросу о языковом и социальном значении медиатекстов обращается Джон Фиске [2]. Он говорит, что различные группы людей (публики), как активная аудитория (active audience), продуцируют различные виды прочтенной речи («Lesarten»), что может идти в разрез с «доминантным», преследуемым или излюбленным толкованием [3].

Литература:

1. Burger H. *Mediensprache. Eine Einführung in Sprache und Kommunikationsformen der Massenmedien* / Harald Burger: Walter de Gruyter, Berlin, New York, 2005. – 486 S.
2. Fiske J. *Television Culture* / John Fiske. – London, New York, 1987. –P. 1–13
3. Hepp A. *Fernsehaneigung und Alltagsgespräche. Fernsehnutzung aus der Perspektive der Cultural Studies* / Andreas Hepp. – Opladen, 1998 – 263 S.
4. Kuncik M., Zipfel A. *Publizistik. Ein Studienhandbuch* / Michael Kuncik, Astrid Zipfel. – Köln, 2001. – 546 S.
5. Kühn P. *Mehrfachadressierung. Untersuchungen zur adressatenspezifischen Polyvalenz sprachlichen Handels* / Peter Kühn. – Tübingen: 1995. – 273 S.

ПЕРЕВОД АНГЛОЯЗЫЧНЫХ НОМИНАЦИЙ РАКЕТНОГО ОРУЖИЯ И ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ЭКВИВАЛЕНТНОСТЬ

Калужская Л.О.

доцент кафедры английской филологии
и методики преподавания английского языка
Мелитопольский государственный педагогический университет
имени Богдана Хмельницкого

Калужский И.Н.

учащийся 11 класса
Мелитопольская гимназия № 10

Ключевые слова: англоязычные номинации ракетного оружия, перевод, функциональная эквивалентность, потери информации.

Keywords: American missiles names, translation, loss of information, functional equivalence.

После II Мировой войны человечество оказалось на краю пропасти. Появление новых видов оружия, оружия массового поражения, сделало уничтожение жизни на планете делом нескольких минут. И в тоже время прилагаются все необходимые усилия для создания позитивного восприятия такого оружия обществом. Лингвисты изучают феномен позитивного позиционирования самого опасного оружия в истории человечества. Первые атомные бомбы были названы *Fat Man* и *Little Boy*, что, по мнению исследователей, содержит референцию к политическим деятелям У.Черчиллю и Г.Трумену [3, 84]. Позднее информация о ракетном оружии стала достоянием широкой общественности и возникла необходимость создать их положительный публичный образ. С этой целью были использованы слова и словосочетания из греческой мифологии, средневековой истории, американской истории, мощные позитивно маркированные единицы [3, 84]. Переводу единиц, рассматриваемых в работе,

уделяется некоторое внимание известным ученым В.Н. Комиссаровым [2,160]. Однако комплексного переводоведческого анализа данные единицы не получили, что определяет актуальность данного исследования.

В данной работе перевод номинаций ракетного оружия рассматривается на основе классификации видов перевода, предложенной К.Норд. Отправной точкой классификации становится вопрос о сохранении доминирующей функции оригинала в переводе. К.Норд выделяет документальный и инструментальный перевод [4, 81-82]. Документальный перевод используется для текстов, функция которых не сохраняется в переводе, то есть текст перевода должен быть документом коммуникации автора и адресата оригинала. Инструментальный перевод предназначен для текстов, функция которых сохраняется в переводе. В случаях сохранения основной функции при переводе имеет место функциональная эквивалентность (термин К. Райс) [5, 161]. Но, как отмечает К.Райс, функциональная эквивалентность не всегда возможна. Например, при переводе противни-

ком военных документов (приказов), перехваченных радиоразведкой [1, 309]. Основная функция оригиналов таких текстов – регулятивная, функция их переводов – информативная.

Русскоязычное воспроизведение англоязычных номинаций ракетного оружия традиционно осуществляется в рамках документального перевода. Функциональная эквивалентность при таком переводе невозможна. Такая традиция сложилась во времена холодной войны. Например, Советская военная энциклопедия, изданная в Москве в 1980 году, содержит транскрипцию (*Lance / Ланс*), транслитерацию, комбинацию транскрипции и транслитерации и варианты соответствия, зафиксированные в словарях. При помощи транслитерации воспроизводится единица *Pershing / Першинг*. Номинация баллистической ракеты происходит от фамилии американского генерала Джона Першинга, командовавшего войсками в боях Первой Мировой войны. Отметим, что антропоним так же представлен транслитерацией. Примером комбинации транскрибирования и транслитерации служит единица *Sea Sparrow / Си Спарроу*, в

которой первая часть сложного слова отражена транскрипцией *Sea Ci*, а вторая – транслитерацией *Sparrow / Спарроу*. В большинстве случаев единица, интернациональное слово, использовавшаяся в русском языке широко до получения ею статуса номинации ракетного оружия, воспроизводится при помощи словарного эквивалента: *Titan / Титан, Sergeant / Сержант, Patriot / Патриот, Гарпун / Гарпун*.

Современное использование русскоязычных номинаций ракетного оружия США переместилось в Интернет. Оружью США уделяют внимание на сайтах, посвященных новостям, истории, вооружению. Такие сайты используют оригинальное название на английском языке с сохранением исходной графики, транслитерацию или транскрипцию, словарный перевод. Отдельно отметим Википедию. Статьи Википедии, содержащие информацию о ракетном оружии, представляют вначале трехэлементную конструкцию, а именно оригинальное название на английском языке с сохранением исходной графики, транслитерацию или транскрипцию и словарный перевод или калькирование:

«*Онест Джон*» (англ. *MGR-1 Honest John*, буквально «Честный Джон»), «*Пискипер*» (англ. *Peacekeeper* – мифотворец).

С точки зрения переводоведения только часть единиц можно было бы обозначить как проблемные. В эту группу входят культуро-специфичные номинации, неологизмы и единицы, у которых нет словарного вариантного соответствия. Однако при любом переводе данных единиц невозможно избежать потерь информации. Подавляющее большинство этих единиц являются вторичной номинацией, семантическим неологизмом, двуплановым конструктом, сложным семантическим комплексом. Нельзя сбрасывать со счетов такие факторы, как опасность референта, манипулирование сознанием как отправная точка номинации.

При русскоязычном переводе единиц, номинаций ракетного оружия США отсутствует и не может существовать функциональная эквивалентность по нескольким причинам. Во-первых, в процессе англоязычной номинации подбирались единицы с мощной позитивной семантикой, иногда культуроспецифичные слова или

словосочетания, которые имеют особое значение для носителя американской культуры и являются неизвестными для носителей иных культур. Во-вторых, данные номинации создавались с целью генерировать позитивное отношение англоязычного общества к данному виду оружия, то есть функция таких единиц – регулятивная. Номинации вооружения одного государства не могут создавать позитивную оценку у граждан другого государства, несмотря на статус отношений этих государств.

Литература

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. Москва.: Издательство Московского университета, 2004. – 544 с.
2. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Москва.: ЭТС, 2004. – 424 с.
3. Lee David. *Competing Discourses: Perspective and Ideology in Language*. London: Longman, 1992. – 210 p.
4. Munday Jeremy. *Introducing translation studies* London and New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2004. – 222 p.
5. Reiss Katharina. *Type, kind and individuality of text: decision making in translation // The Translation Studies Reader / Ed. by L.Venuti*. – London and New York: Routledge Taylor & Francis Group, 2000. – P.160–172.

